

А.А. Илюшин

ДЕРЖАВИН О РАДИЩЕВЕ И ШЕЛЕХОВЕ

Аннотация

В статье осуществлен анализ трех стихотворений Державина (эпиграмма, эпитафия, акrostих). Сближены Радищев и Шелехов, познавшие Сибирь, Ломоносов и открытие Америки, восьмистишная строфа и мотив смерти – и пр.

Ключевые слова: стих, акrostих, катрен, восьмистишие, реминисценция, линейность.

Ilyushin A.A. Derzhavin about Radischev and Shelekhov

Summary. The article presents the analysis of three poems by Derzhavin (an epigram, an epitaph, an acrostic). Bringing together Radischev and Shelekhov who had known the Siberia, Lomonosov and the discovery of America, stanza of 8 lines and the motive of death and so on.

На Радищева

*Езда твоя в Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна.
Я слышу, на коней ямщик кричит: вирь! вирь!
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.*

Радищев, твое «Путешествие из Петербурга в Москву» похоже на правду, хотя эта книга смела, дерзка и сумасбродна. Смелость и дерзость у нас в почете, – «Парень был дерзким и смелым», как поется в песне. Честь безумцам. Сумароков приду- мал себе псевдоним «Сумасбродов» – и правильно. Будем дерзновенными смельчаками и отчаянными безрассудными сумасбродами.

Далее по тексту. «Я слышу». Читатель вправе предполагать, что речь тут идет об авторском «Я», о лирическом герое, можно сказать, о «лирическом субъекте», разбираемого четверостишия.

Но тут же обнаруживается некий камень преткновения. Мнимые упреки прозвучали почти комплиментарно, и вот слышится ямщицье «вирь! вирь!» – возглас, предостерегающий нерасторопных пешеходов от грозящей им опасности (ср. также «пади! пади!» или «берегись! ожгу!»). По всему видно: автор крамольной «Езды» из молодой столицы в старую поплатился за свой поступок личной свободой, приговорен к сибирской ссылке, Державин же – вслед ему – произносит нечто напутственное, называя Радищева русским Мирабо.

Впрочем, не исключены сомнения относительно того, является ли автором этого загадочного четверостишия Державин. В венгеровской хрестоматии «Русская поэзия» (т. 1) оно отнесено к стихотворениям, приписываемым Державину. Там же датировано 1790-м годом – самое подходящее время для того, чтобы совпасть с радищевскими мытарствами в связи с его «Путешествием». Бросавший вызов «Властителям» и «Судиям» Державин и тираноборец Радищев кажется могли бы понять друг друга, что и произошло, но лишь отчасти: в целом певцу Фелицы чужд остался пафос радищевской оды «Вольность».

Придерживаясь версии, согласно которой эпиграмма на «Езду в Москву» все-таки принадлежит перу Державина, попробуем понять, что же, собственно, не устраивало нашего поэта-юбиляра в радищевской книге. Ее несвоевременность? (вот же, явилась некстати)? Сумасбродство автора (но оно прекрасно)? Чего-то как бы не хватает? (так обойдемся). Какие-то эфемерные и вялые мотивировки.

Ямщик кричит на коней, Державин – Радищеву, крики эти рифмуются один с другим: вирь-вирь – в Сибирь; чрезвычайно шумная эпиграмма. И чего только ни втиснулось в четыре строки ее текста. Державин умел «так делать стихи». И не слабо получалось. Хотя как мастер версификационного изобретательства поэт Радищев не уступал поэту Державину. Общение меж ими – на «ты», по крайней мере со стороны Державина (ср. с фонвизинским Стародумом, осуждавшим обращения на «вы»). Радищев простился с жизнью аллитерированным моностихом («пОТОМСТВО... ОТОМСТит»), Державин – затейливым акростихом («РУИНА ЧТИ»), о котором см. в Приложении к этой статье.

* * *

Надгробие Шелехову

*Колумб здесь русский погребен:
Преплыл моря, открыл страны безвестны;
Но, зря, что все на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.*

Шелехов (Г.И. Шелихов) – путешественник-первопроходец, осваивал так называемую «русскую Америку» (т.е. Аляску). Предприимчивый купец и наблюдательный исследователь Восточной Сибири и Дальнего Востока. Судя по эпитафии, сочиненной Державиным, несколько разочарован в земной жизни и наземных морях, возжаждав океана небесного. Если он не Христофор Колумб, то по некоторым признакам не менее чем наш Афанасий Никитин, некогда ходивший за три моря в поисках неведомого.

Первопубликация державинской эпитафии более объемна по сравнению с ее окончательным вышеприведенным вариантом текста и значительно менее удачна – настолько, что читаешь сомневаясь: ужели великий поэт мог писать такую нескладицу? Это касается впоследствии отброшенной концовки, которая выглядела далеко не лучшим образом:

*Направил парус свой во океан небесный
Искать сокровищ горних, неземных,
Сокровище благих!
Его ты душу успокой.*

Не «успокой», разумеется, а именно по-церковному – «упокой», от глагола «упокоить», а не «успокоить». В этой же заключительной строке понапрасну и без особой надобности отсутствует рифма к слову «упокой» и нарушено правило альтернанса. «Его ты душу» – фигура неловкой синтаксической инверсии. Или вот еще: «сокровищ», «сокровище». Разве что скудостью словарного запаса можно объяснить склонность стихотворца к использованию этого приема – двукратного повтора одного и того же слова, да еще и длинного, четырехсложного в своей начальной форме. Явлением того же порядка посчитаем равнодушие автора к синонимии: «горних, неземных». Наконец, вопрос о предпочтении формы либо

единственного, либо множественного числа: или «парус свой», или «паруса» – одномачтово или трехмачтово судно?

Отмеченными несообразностями пестрит лишь вторая половина текста, а первая – в полном порядке. Здесь стилистический почерк автора – державинский – вполне узнаваем. Подозревается участие одного и того же мастера в создании как эпиграммы (на Радищева), так и эпитафии (Шелехову). Септима эпитафии преобразилась в катрен окончательной редакции и уже одним этим уподобилась эпиграмме (для Радищева четыре строки и для Шелехова столько же). Сходство между ними стало бы еще более очевидным, если бы эпитафия (как и эпиграмма) была написана александрийским стихом, но такого не произошло: она выдержана в размерах вольного ямба. Еще одна лингвостиховедческая частность – в обоих стихотворениях допущено по одному гиатусу при сочетании имени существительного с предлогом: «со истиною» и «во океан». Эффектное зияние «душу упокой» осталось вне рассмотрения ввиду крайней сомнительности державинского авторства, о чем уже шла речь.

Радищев – русский Мирабо. Шелехов – русский Колумб. Во всяком случае, именно такие прозвища дает им Державин. Присовокупить бы к иностранному антропониму подходящее определение (наш, русский, российский, новый) – и вот уже складывается чья-то репутация. Так, Сумароков – российский «Шакеспир» (Шекспир), Фонвизин – «из перерусских русской» Лафонтен, Николев – русский Мильтон (Милтон). Оба поэта – английский и русский – были незрячи и занимались стихотворством. Самому же Державину весьма льстило то, что его фамилия рифмуется с прозванием ветхозаветного Иисуса Навина (Державин – Навин). См. также в Библии Книгу Навина, преуспевшего в умении останавливать бег Солнца: редкостный дар. А Ломоносов – российский Пиндар.

Что касается «Радищева-Мирабо», то более или менее ясно, в силу каких соображений сближены двое этих сторонников европейского свободолюбия. Да, в самом деле имя Мирабо стало нарицательным (поборник Вольности). Лицеист Пушкин по-приятельски общался «с обоими Мирабо» – так называл он братьев Тургеневых, один из которых станет декабристом. Деятель Великой

французской революции пришлось по душе российским вольнодумцам.

...Каждому свое. Кому-то уготована слава бунтаря-революционера, кому-то – участь мореплавателя, первооткрывателя. «Колумб Америку открыл». Ломоносов предугадал издали явление «Колумбов русских», которые продолжат освоение Нового Света. Вот что писал о них создатель героической поэмы «Петр Великий» задолго до экспедиций Шелихова:

*Колумбы Росские презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворяют на восток,
И наша достигнет в Америку держава...*

Стихи, что и говорить, пророческие. Аляска на какое-то время станет нашей и пребудет таковою до тех пор, пока ее не лишимся. Вот они: гемузеец Колумб – «южнее», а «севернее» – Шелихов, именем которого назван один из райцентров в Иркутской области. Один вслед за другим открывали Америку в разных ее частях – так уж получилось. Теперь русскому Колумбу рукой подать от прибайкальского пристанища до Илимского острога, с которым так трагически связана судьба Радищева. Таков сюжет этого небольшого очерка, рассказанного Державиным. Было ли так в самом деле – Бог весть. В одном лишь могу поручиться: цитация стихотворных строк, принадлежащих Державину и Ломоносову, была выполнена тщательно и обошлась без опечаток.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Державин, «Река времен...».

Поэт встретил смерть, ополченный аспидною доской и грифелем в руке. Ему предстояло сложить свои предгробные стихи и начертать их – не то что бы вилами по воде на недолговечность подобных записей. Дело вроде нехитрое: взять какую ни есть тряпицу и просто стереть написанное с доски. Но судьба, видимо, хранила этот восьмистрочный державинский шедевр:

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.*

*А если что и остается
 Через звуки лиры и трубы,
 То вечности жерлом пожрется
 И общей не уйдет судьбы.*

Здесь есть акrostих, сложенный первыми буквами каждой строки, если их читать по вертикали сверху вниз: РУИНА ЧТИ. Форма настолько изысканная, что ее трудно, хотя и приходится принять всерьез. Вообще же Державин был умелым мастером этой формы (см. его стихотворение «Князь Кутузов-Смоленской»). Но как понять слово ЧТИ в акrostихе? Что касается слова РУИНА, то все ясно: это галлицизм, заимствование из французского, по-русски «развалина». Но не сразу поймешь, кому, кого и как надо чтить. Может быть, никого и никак, если ЧТИ не глагольный императив, а родительный падеж единственного числа имени существительного и тогда смысл акrostиха – «руина чести», т.е. честь порушена. Пример из «Слова о полку Игореве»: русские воины богатырствуют, «ищучи себе чти» (ища себе чести). Интересен случай автореминисценции в прощальном творении поэта: своего рода оглядка на времена почти сорокалетней давности, когда Державин сочинил стихи «На смерть князя Мещерского», начинающиеся знаменитой строкою «Глагол времен! Металла звон!» Миновали декады, и вот, пожалуйста, – снова: «Река времен», и опять-таки (там и здесь) в начале текста. Оценим также по достоинству троекратный неударный слоговой повтор «ре» в первом стихе – сделано с блеском. И еще – ловкая игра с понятиями «времен» и «вечности», жертвами которых поочередно становятся «все» и «вся». И что «особенно важно, никакой искусственности, от которой непросто уберечься сочиняя акrostихи или вообще увлекаясь правилами версификационной эквилибристики и фокусами стиховых форм.

Попробуем теперь выявить ряд восьмистиший (но не октав!), в которых прослеживаются мотивы смерти. Такого рода линейность предпочтена множеству других вариантов. Традиция складывалась усилиями Радищева (стихотворение «Молитва») и Державина («Река времен»). Дальше – больше. Пример старших оказался действенным для последующих русских поэтов. Несколько прискорбных названий: «Последние стихи» Веневитинова; «На смерть сына» (Рылеев); «Милый друг, я умираю» (Добролюбов);

«Зимние вьюги завывли» (Михайлов); «Я примирился с судьбой неизбежною» (Некрасов); «Над свежей могилой» (Надсон); «До свиданья, друг мой, до свиданья» (Есенин); «Любит? не любит? я руки ломаю» Маяковского; «Вскрыла жилы. Невосстановимо...» Цветаевой; «Старцу надо привыкать ко многому» Сельвинского...

Смерть поглощает младенца и старца, жениха и невесту, странника и поэта, самоубийцу и жизнелюба; «народы, царства и царей» (по Державину). В каждом из перечисленных здесь восьмистиший имеется свое «*memento mori*», и сам Державин, несмотря на веселый нрав свой и редкостное умение радоваться жизни, предрек всеобщность закона о неминуемой гибели человеческого бытия.